

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 41–60.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 1. P. 41–60.

Научная статья / Original article

УДК 94(430).041

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-41-60

«СБОРИЩЕ ДИКИХ, УЖАСНЫХ, УГРЮМЫХ»: СТАНОВЛЕНИЕ НЕГАТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ О РОССИИ В ГЕРМАНИИ В ЭПОХУ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1618–1648)

Арина Владимировна Лазарева
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, unimoskau@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема появления в немецкой художественной литературе эпохи барокко образа России. Литература барокко в силу своей специфики для изображения незнакомых народов, среди которых в XVII веке была и Россия, предлагала лишь два полюса — позитивный и негативный. Стереотипы о России в большей степени были связаны с представлением о ней как о дикой и варварской стране, образ которой был призван помочь лучше познать самих себя. Пользуясь в качестве источников в основном не собственными наблюдениями, а уже существующим нарративом, в первую очередь сочинениями С. Герберштейна и А. Олеария, немецкие литераторы изображали Россию и русских в образе «другого» или даже «врага».

© Лазарева А. В., 2023

Ключевые слова: барокко, образ России, Герберштейн, Германия, стереотипы

Ссылка для цитирования: Лазарева А. В. «Сборище диких, ужасных, угрюмых»: становление негативных стереотипов о России в Германии в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648) // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2023. Т. 6, № 1. С. 41–60. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-41-60.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

“A BUNCH OF WILD, TERRIBLE, GLOOMY”:
THE FORMATION OF NEGATIVE STEREOTYPES OF RUSSIA IN GERMANY
IN THE ERA OF THE THIRTY YEARS’ WAR (1618–1648)

Arina V. Lazareva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
unimoskau@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of the appearance of the image of Russia in German baroque literature. Baroque literature, due to its specificity for depicting unfamiliar peoples, among which Russia was in the XVII century, offered only two poles — positive and negative. The stereotypes of Russia were largely associated with the idea of it as a wild and barbaric country, the image of which was intended to better know ourselves. Using as sources mainly not their own observations, but the already existing narrative, primarily the works of S. Herberstein and A. Olearius, German writers portrayed Russia and Russians in the image of the “Other” or even the “Enemy”.

Keywords: baroque, image of Russia, Herberstein, Germany, stereotypes

For citation: Lazareva, A. V. (2023) “A bunch of wild, terrible, gloomy’: The Formation of Negative Stereotypes of Russia in Germany in the Era of the Thirty Years’ War (1618–1648)”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(1), pp. 41–60. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-41-60.

Культура барокко в Германии по сравнению с ее западными соседями обрела специфические черты и создала уникальные образы во многом благодаря тому, что ее формирование шло на фоне Тридцатилетней войны (1618–1648) — катастрофы, которую немцы веками считали истоком и позднего государственного объединения, и появления радикальных форм немецкого национализма, и дальнейшего трудного пути немцев в XX веке. Многие специалисты не раз отмечали ее разрушительный характер, уничтоживший экономику, общество и культуру немецких земель Священной Римской империи. Не ставя под сомнение влияние Тридцатилетней войны на различные сферы жизни немцев в первой половине — середине XVII века, следует отметить, что тезис о культурном упадке в этот период имеет под собой достаточно шаткую почву, так как именно эпоха Тридцатилетней войны подарила немецкому барокко целую плеяду талантливых поэтов и писателей, ставших основоположниками немецкого литературного языка и немецкой поэзии, наследие которых в дальнейшем превратилось в фундамент для всей классической немецкой литературы XVIII–XIX веков. Мартин Опиц (1597–1639), Андреас Грифиус (1616–1664), Пауль Флеминг (1609–1640), Георг Филипп Гарсдерффер (1607–1658), Симон Дах (1605–1659), Иоганн Клай (1616–1656) были первопроходцами в стихосложении на немецком языке. Ганс Якоб Кристоффель Гриммельстаузен (ок. 1622–1676) и Иоганн Мошерош (1601–1669) создали немецкий барочный роман.

Литература барокко соединяла в себе, по мнению самих поэтов той эпохи, «все искусства и науки», как заметил один из самых известных немецких поэтов XVII века Иоганн Клай. «Поэт, — продолжал он, — должен быть сведущ в разнообразных сферах: он воспаряет над землей, он путешествует по разным странам в своих мыслях, наблюдает планеты и звезды в своих мечтах. Он раскрывает крылья своего сознания, он перелетает туда, где идет дождь или снег, где висит туман или идет град, бушует буря или [воет ветер]. Он проникает в чрево земли, он изучает глубины, он остро мыслит, создавая изящные слова для живых описаний, и заставляет задуматься» [Klaj, 1645, Lobrede ... , S. 12]. Благодаря так называемой «первой читательской революции» в Европе, литература барокко открыла для своих читателей целый мир литературы светского характера с присущей ей тематикой повседневного быта. Литераторы эпохи барокко ставили две главные цели. Во-первых, они стремились научить изящному слогу, присущему образованным слоям общества, а во-вторых, литература этой эпохи была проникнута стремлением сообщить новые сведения, научить. Благодаря второй составляющей в произведениях этого времени нашла свое отражение информация из разнообразных отраслей науки, однако осо-

бым спросом устойчиво пользовались этнографические сведения. Интерес к жанру путешествий в литературе стал важным импульсом для появления в сочинениях немецких авторов захватывающих рассказов о дальних краях с подробным описанием непривычных нравов и быта.

Внимание литераторов барокко было сосредоточено не только на географических соседях. Большой популярностью пользовались те страны, которые авторы причисляли к «дальним», то есть малоизвестным, о которых в Европе практически ничего не знали. Это было связано с расширением повседневных горизонтов после эпохи Великих географических открытий, с одной стороны, а с другой — с активизацией внешней политики тех государств, которые в Средневековье не играли роли в Европе. Начиная с XVI века в европейскую литературу проникают сведения о Московском государстве. Со знаменитого труда Сигизмунда фон Герберштейна (1486–1566) «Путешествие в Московию» (1549) Русское государство начинает занимать все больше места в умах и фантазиях немецких литераторов.

Сочинение Герберштейна переиздавалось за XVI–XVII века 32 раза и было переведено на семь языков, благодаря чему превратилось в ключевой текст, из которого черпали знания о России во всех европейских государствах. Основными негативными характеристиками, которыми автор наделил русских и Россию, были «русская лживость», «чванство», «рабский характер», жестокость, испорченность нравов, деспотизм правителей, что обобщенно превратилось в «русскую дикость и варварство». Как показали исследования американского историка Маршалла По, косвенные цитаты из «Записок о Московии», создающие негативный образ России, есть в работах таких известных авторов раннего Нового времени, как англичане Дж. Горсей (ок. 1550–1626), Дж. Флетчер (1558–1611), С. Коллинз (1619–1670), итальянцы Р. Барберини (ок. 1532–1582)

Портрет С. Герберштейна в шубе, подаренной ему Василием III. Рисунок первой половины XVI века (из издания: *Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московитских делах.* СПб., 1908)

Карта России, составленная картографом Г. Меркатором, 1595 (Mercator G. Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura. Duisburg, 1595)

и А. Поссевино (1534–1611), французский наемник Ж. Маржерет (ок. 1565–1619) и французский врач Ф. де ла Нёвилль (вторая половина XVII века), шведский дипломат П. Петрей (1570–1622), а немецкие дипломаты, купцы и наемники иногда дословно переписывали из Герберштейна целые куски для достоверного подтверждения своих слов о далекой Московии (см. [По, 2010]).

В XVII столетии, с укреплением единого коммуникативного пространства и более или менее бесперебойного проникновения информации, благодаря первым газетам и подобным сводкам новостей, а также в связи с новой ролью, которую Московское государство начало играть в европейской борьбе за гегемонию, упоминания о России периодически попадали на страницы печатной продукции. Ближе к концу XVII века количество упоминаний увеличивается. Это объясняется прежде всего более широким вовлечением России в орбиту европейской международной политики и началом ее активной борьбы в XVII веке и за территории, утраченные в годы Смуты, и за выход к Балтийскому морю. К этому времени даже существовали карты с российской территорией.

Публицистика и новостные сводки были лишь первым шагом в создании «образа» Русского государства. Важнейший вектор в данном направлении

задала немецкая художественная литература эпохи барокко. Этот образ был противоречивым. Практически неизвестная страна скорее вызывала ужас и отвращение, как и все чужое и непонятное в целом. Важнейшим нюансом, на который необходимо обратить особое внимание, было то, что в основном ни один из литераторов, в произведениях которых в той или иной степени отразился негативный образ Московского государства, не был лично ни в России, ни даже на ее рубежах. Кроме сочинения Герберштейна на представления немцев о России в эпоху Тридцатилетней войны повлияло сочинение немецкого интеллектуала и советника шлезвиг-голландского герцога Фридриха III Адама Олеария (1599–1671), который дважды побывал в России в 1635–1636 и 1639 годах. По итогам путешествия Олеарий оставил обширные записки, которые скорее стоят особняком среди сочинений о России эпохи Тридцатилетней войны. Описание Олеария содержит разнообразные этнографические сведения о географии, быте и нравах русских, придворном церемониале и политике. В отличие от поэтов и писателей эпохи барокко Олеарий представил достаточно нейтральный образ, подчеркивая даже возможность свободы вероисповедания для немцев в России, которую последующие авторы будут игнорировать. Рассказывая о пребывании в Нижнем Новгороде, он писал: «Здесь мы нашли самых крайних на востоке лютеран, которые могли служить по своей вере в открытой церкви; в то время их община доходила до 100 человек» [Олеарий, 1906, с. 358]. В его сочинении Московия представлена не в образе врага, а в образе «другого», знакомство с которым помогает познать себя.

Однако в литературе немецкого барокко преобладали негативные утверждения, создававшие образ варварской страны. Так, широкое распространение в сочинениях эпохи получило представление о России как о стране с суровым климатом, практически непригодной для жизни. Например, немецкий поэт Мартин Опиц утверждал: «Там безжизненный воздух, суровый и грубый. Там скачут неистовые дикие звери. Сколько еще ужасов можно сказать об этой мрачной стране» [Opitz, 1624, S. 145]. Одним из ключевых топосов здесь стал мотив холода, о котором писали многие, начиная с Герберштейна: «...там [от страшного мороза] земля расседается; в такое время даже вода, пролитая на воздухе, [или выплюнутая изо рта слюна] замерзают прежде, чем достигают земли. Мы лично, приехав туда в 1526 году видели, как от зимней стужи прошлого года совершенно погибли ветки плодовых деревьев. В тот год стужа была так велика, что очень многих ездовых, которые у них называются *gonecz*, находили замерзшими в их возках. Случалось, что иные, которые вели в Москву из ближайших деревень скот, привязав его за веревку, от сильного мороза погибли вместе со скотом» [Герберштейн, 2008, с. 289]. Олеарий утверждал: «Семя

не могло бы приняться [в России. — А. Л.] вследствие скрытого в земле мороза и холодных ветров» [Олеарий, 1906, с. 160]. Русские же, по его мнению, даже не замечают нестерпимый холод, что усиливало непривычный облик: «В Нарве я с удивлением видел, как русские мальчишки лет 8-ми, 9-ти или 10-ти, в тонких простых холщовых кафтанах, босоногие, точно гуси, с полчаса ходили и стояли на снегу, как будто не замечая нестерпимого мороза» [Там же, с. 346]. В поэзии барокко русские превратились в «холодный народ», а Россия порой называлась «страной кристального льда» [Dach, 1936–1937, Bd. 1, S. 58].

Рядом с темой беспримерного холода соседствовали и животные образы, которые по устоявшейся традиции считались выносливыми и свирепыми. Одной из главных животных аллегорий для России становятся медведи. Этот мотив отразился и на европейских картах раннего Нового времени — иногда на них в непосредственной близости от известных иностранцам мест были изображены медведи. Они отвечали в иконографии за жестокость, ярость и лень [Медяков, 2021, с. 381]. О медведях в России первым написал Герберштейн, связав их с темой холода: «Кроме того, тогда находили мертвыми на дорогах многих [бродяг], которые в тех краях водят обычно медведей, обученных плясать. [Мало того] и [сами] медведи, [гонимые голодом, покидали леса, бегали повсюду по соседним деревням и] врывались в дома; при виде их крестьяне толпой бежали от их нападения и погибали вне дома от холода самую жалкою смертью» [Герберштейн, 2008, с. 289]. Практически перефразируя Герберштейна, поэт Симон Дах, никогда не бывавший в Московии, утверждал: «Там дикие медведи, мороз и лед кругом» [Dach, 1936–1937, Bd. 1, S. 58]. Образ медведя не был случаен. В Ветхом и Новом заветах медведь традиционно изображался в виде ужасного апокалиптического зверя, порождения Сатаны, даже став одним из его зооморфных воплощений. Кроме того, в Библии медведь превратился в персонификацию Персидского царства с характерными для его изображения воинственными чертами, ассоциировавшимися с восточным деспотизмом. Таким образом, медведь подчеркивал дикость и варварство, а отсылки к Персии превращали Московское государство в восточную деспотию [Медяков, 2021, с. 381].

Образ русского деспотизма и тиранической царской власти укрепился в литературе барокко во многом благодаря роману немецкого писателя Г. Я. К. Гриммельсгаузена «Симплициссимус» (1669). Этот роман стал вообще знаковым произведением для европейского взгляда на Россию. Он переиздавался не только в XVIII–XIX веках. Свою новую жизнь он обрел в Германии в начале XX века, а затем неоднократно научно комментировался. Самыми известными изданиями стали публикации 1913 и 1938 годов. Это роман не о

России. Повествование ведется от первого лица человека, который оказался вовлечен в круговорот Тридцатилетней войны. Однажды герой попадает и в Московское государство. Его описание дано в 20–22 главах пятой книги. Известно, что Гриммельсгаузен лично никогда не был в Москве. Тем не менее широкий успех его романа превратил созданный в нем образ России в стереотип. Этот образ представлен в романе достаточно сжато (из 500 страниц всего 10), однако благодаря своему умелому художественному воплощению он казался достоверным и правдивым [Гриммельсгаузен, 1967, с. 341–351]. Исследователи творчества Гриммельсгаузена установили, что главным источником для описания Московского государства стали записки Адама Олеария [Keller, 1988, S. 373]. Гриммельсгаузен по-своему интерпретировал его сочинение, выбирая самые забавные и необычные истории, описанные голштинским дипломатом, как того требовали законы жанра плутовского романа. Цель «рассказать правдиво» перед ним не стояла. Его герой Симплициссимус, побывавший в разных жизненных ситуациях, ведет повествование так, чтобы заинтересовать читателя, то есть используя приемы, которые в литературе барокко всегда подразумевали нарочитое искажение фактов [Sienger, 1963, S. 39]. Гриммельсгаузен, таким образом, намеренно искажал описанные Олеарием реалии. Литературные приемы эпохи барокко остались за скобками для читателей, которые познакомились с нарочито дикой и непривычной картиной жизни в Московской Руси. Негативная оценка русских реалий Гриммельсгаузенем стала хрестоматийной. Так, на несколько десятилетий стало расхожим утверждение, что карьерный рост иноземцев на царской службе возможен только после перехода их в православие [Гриммельсгаузен, 1967, с. 343].

Возмущение европейцев вызывали свидетельства о заключении приезжающих из Западной Европы в Москву под стражу, о запрете на свободные поездки [Там же, с. 345]. Однако глубже всего в европейские представления о России запали два важнейших тезиса, которые Гриммельсгаузен проводил в романе. Во-первых, немецкий писатель планомерно приводил на страницах своего сочинения доказательства, иллюстрирующие русскую отсталость. Одним из весомых аргументов в данном ряду были рассуждения об отсутствии в России в середине XVII века пороха [Там же, с. 346]. Во-вторых, Гриммельсгаузен намеренно подчеркивал идею всеохватности царской власти: царю принадлежит не только земля, но и «каждый человек от боярина, до холопа» [Там же]. Описывая наказания, которыми казнили непокорных воле царя, Гриммельсгаузен обратил внимание читателей на ссылку в Сибирь: «...за такое учиненное нами превеликое бесчинство сослать всех нас в Сибирь» [Там же,

с. 345]. Ужас перед Сибирью в дальнейшем станет одним из главных страхов Запада перед Российским государством.

Все перечисленные Гриммельсгаузенем векторы описания Московского государства нашли свое отображение и в последующих столетиях: даже те, кто бывал в России лично, всегда подмечали именно негативные черты. Так, знаменитый дипломат Иоганн Корб, побывавший в России в конце XVII века, с воодушевлением описывал кровожадность русских, рассказывая о стрелецкой казни 1698 года. Корб подчеркивал, что в казни участвовал лично Петр I, который «собственноручно отсек головы пятерым преступникам» [Корб, 1997, с. 96], причем кровавая потеха чередовалась с пирами и застольями. Еще один немец — прусский дипломат Иоганн Готхильд Фоккеродт — назвал Россию «царством слепых», имея в виду, что русские от природы не способны на самостоятельность, нуждаются в руководстве извне [Фоккеродт, 2000, с. 19].

С XVIII века добавилась тенденция, которая станет одной из решающих в XIX веке, — идеологизация. Один из ведущих современных исследователей образа России в европейском дискурсе Нового времени, доктор исторических наук А. С. Медяков справедливо заметил, что «Россия начинает представлять как идеологический противник, как антипод “свободы”. Россия выступала в качестве своеобразного контрастного вещества для тех ценностей, которые культивировало в себе развивавшееся европейское общество: русских представляли как движимую инстинктами массу, что сильнее оттеняло новые западные ценности индивидуализма» [Медяков, 2021, с. 380].

Противостояние русских ценностей западноевропейским подчеркивалось немецкими поэтами эпохи барокко путем уравнивания понятий «Московия» и «Скифия». Знак равенства между Московским государством и Скифией оставался в немецкой художественной литературе барокко вплоть до конца XVII века. Первым в немецкой поэзии эпохи барокко Московию со Скифией сравнил Мартин Опиц. Он считался современниками «отцом немецкой поэзии», который, по их выражению, «вывел немецкий язык из тьмы как Орфей свою Эвридику» [цит. по: Лазарева, 2008, с. 15]. Опиц одним из первых начал писать стихи на немецком (а не на французском или латыни) и провел настоящую реформу стихосложения. Благодаря своей службе в польском Торне Опиц черпал знания о России у одного из главных соперников Московского государства в раннее Новое время — Речи Посполитой. Образ России, созданный немецким поэтом, был продолжением устойчивых негативных стереотипов. Делая один перевод с нидерландского, Опиц следующим образом описал москвитов: «И там в невежестве в полях на повозках живет холодный народ, который ни с кем не связан» [Opitz, 1624, S. 145]. Образ кочующего народа, живущего на

повозках, появился в переводе Опица не случайно. С его сочинения берет начало литературная традиция, которая отождествляла Русь со Скифией, подражая при этом античным авторам. К своему переводу Опиц сделал комментарий, в котором указал: «Автор называет скифов невежественными, потому что они были названы греками “неприветливыми, негостеприимными, врагами всего чужого”» [Ibidem]. Согласно греческим описаниям, скифы жили на повозках и могли перевозить за собой свои дома, если снимались с места.

Схожий с Опицем образ «кочующих» народов, под которыми подразумевались русские, есть в широко известной во второй половине XVII века драме Иоганна Клая «Ирод, детоубийца»: «Скиф, живущий ордами в своих повозках среди камышей» [Klaj, 1645, Herodes ... , S. 12]. Еще один известный немецкий поэт, писатель и ученый XVII века Юстус Георг Шоттель в 1640 году даже сравнил «разрозненную, страдающую Германию» со «Скифией / где живут татары / где царит жестокость и злоба, подобная аду / там варварство / там дикие драконы / которые дышат огнем так / что сами превратят себя в золу» [Schottelius, 1640, S. 24]. За достаточно абстрактным названием «Скифия» скрывалось специфическое содержательное наполнение. Скифия была тождественна дикости и варварству. Эти качества стали доминирующими при создании негативного образа русских. Для обоснования этого тождества авторы активно цитировали Овидия, Горация, Вергилия, таким образом окончательно смешивая античную традицию изображения скифов как варваров с представлениями, укоренявшимися в раннее Новое время. Если для античных авторов существовал топос о скифской жестокости, то некоторые авторы старались приписать аналогичное поведение москвитам, вплетая свое повествование в картины окружавших их исторических реалий. Все чаще в литературе звучала тема русской воинственности. В 1660 году еще один корифей немецкой литературы Андреас Грифиус изобразил реалии Первой Северной войны: «Дикие враги стоят / и грозят стрелами и мечом / шумный Истр рычит / Там Волга и Ра наполнены трупами / а пожарища топят в крови / [К счастью] нас здесь не беспокоит ни фракийский меч, ни скифская труба / неужели вы, достойные сожаления, не чувствуете / как от чужеродных войн страдает / постоянно опустошаемая страна» [Gryphius, 1884, S. 525]. Характерной особенностью немецкой литературы имперских окраин стали стихи, которые заказывали польские и прусские аристократы, содержащие их жизнеописания, данные в героическом ключе. Многие из адресатов стихов побывали в России во время Смуты или участвовали в Смоленской войне. В этих стихах, в соответствии с их жанровой спецификой, заказчики представляли как герои, неоднократно побеждавшие «диких москвитов с тяжелыми дланями», «московитские дикие орды» [Opitz, 1636, S. 3–4].

Вооружение русского всадника. Немецкая гравюра XVII века (из издания: Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 76)

Стихи о Смоленской войне в первую очередь подчеркивали поражение Московского государства. Опиц писал, что «русские бросили к ногам победителей собственное чванство, их научили подчиняться» [Ibid., S. 5]. Во время первого успешного для России года Русско-польской войны, начавшейся в 1654 году, Симон Дах с ужасом писал о том, что русские несут смерть, «ворвавшись в Польшу, изгоняют бедный люд огнем и мечом». Дах таким образом стремился донести до бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма (стихотворение адресовано именно ему) необходимость остановить московское продвижение, так как «такая же участь (как поляков) постигнет и нас», — утверждал поэт [Dach, 1936–1937, Bd. 1, S. 240]. Таким образом становившаяся уже стереотипной картина «диких московитов» получила историческую актуальность и была подкреплена конкретными историческими примерами. Идея о существовании «русской угрозы», «опасности с Востока» в дальнейшем будет одним из самых популярных тезисов, который очень ярко отразится в предвоенной немецкой пропаганде и эпохи Первой мировой войны, и накануне Второй мировой войны. При этом опасность со стороны Франции или Англии никогда не обладала «столь мощным интегрирующим эффектом для немецкого общества», а стереотип русской угрозы в буквальном смысле складывался веками [Медяков, 2021, с. 382].

В XVII веке в связи с попытками России активнее участвовать в международной политике образ русских претерпел заметные метаморфозы по сравнению с XVI веком. Даже русское посольство царя Ивана Грозного, которое однажды оказало помощь императору Максимилиану II в 1576 году, получило негативную оценку. Это посольство в конце XVI века было запечатлено на

Посольство великого князя Московского к императору Священной Римской империи Максимилиану II в Регенсбурге. 1576 (из издания: Ровинский Д. А. Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени. СПб., 1882. С. 14)

цветной гравюре «Истинное изображение легации или посольства Великого Князя Московского к Его Императорскому Римскому Величеству... в Регенсбурге», известной среди представителей интеллектуальных кругов германских княжеств [Warhafftige Contrafactur ... , 1576].

Если в оригинале подписи к гравюре просто перечисляются участники русского посольства с указанием точных имен, должностей, перечнем привезенных императору подарков, то во второй половине XVII века М. Вайнрих заменил подпись следующим образом: «И пришли московиты из скифской страны: Сборище диких / ужасных, как сами турки, / мрачных братьев с угрюмым взглядом. Они свирепствуют, как Циклопы в горах Этны, и идут вперед в ужасающем количестве. Кожа потрескалась от злых морозов, и вся в морщинах, / грубые дурные телодвижения. Образ жизни как у крестьян / нравы как у зверей, / душа, которой чуждо простое человеческое поведение. Дикаие / ужасные лица мужей... они практически серые из-за отсутствия ухода, с обвисшими скифскими бородами» [Weinrich, 1659, S. 281]. Тема грязи превратилась в дальнейшем в типичную черту России и некоего обобщенного варварского Востока. В XIX веке к нему добавились и ее атрибуты, в первую очередь вши.

Иногда, изображая Россию в раннее Новое время и даже говоря о чем-то, что казалось им безобидным, а порой и привлекательным, авторы тем не менее противопоставляли ее Западу. Так, немецкий поэт эпохи барокко Пауль Флеминг (1609–1640) изобразил Россию в своем литературном наследии как страну «простых невинных дикарей» [Fleming, 1865, S. 74]. Его имя стоит отдельно в ряду немецких литераторов, писавших в XVII веке о России. Он был другом знаменитого Адама Олеария, с которым вместе и предпринял путешествие. При этом Флеминг был в Московском государстве в 1633 и 1639 годах и пробыл там даже дольше знаменитого путешественника.

Восприятие России Флемингом для создания ее немецкого образа сыграло незначительную роль по сравнению с записками Олеария. Благодаря стараниям последнего Флеминг получил место в посольстве голштинского герцога, которое должно было проехать через Европу в Россию, а оттуда в Персию, чтобы постараться наладить шелковую торговлю. Голштинский герцог обрадовался участию «магистра» Флеминга, так как считал, что это придаст посольству больший вес, и произвел его в гофюнкеры — должность, которая считалась крайне почетной. Посольство начинало свой путь из Гамбурга, где Флеминг впервые упомянул в стихах русских, «радостно и с нетерпением» ждущих немецкое посольство [Ibid., S. 82]. Далее посольство морским путем отправилось в Ригу, а оттуда в Нарву. Из Нарвы Флеминга отправили вперед посольства в Новгород, где он должен был заручиться русской поддержкой против шведов,

Рисунок Московского Кремля из книги А. Олеария (из издания: *Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель* А. М. Ловягина. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. С. 109)

которые не были заинтересованы в продвижении посольства и старались чинить ему всякие препятствия.

В первых стихах, написанных в Новгороде, Флеминг, судя по всему, опирался на сочинения Овидия, которые он писал в конце своей жизни в местечке Томис на Черном море и где есть перечисление так называемых «скифских» рек. Флеминг заимствовал названия этих рек у своего великого предшественника и поместил их перечень в свою поэзию, смешивая в духе барочной традиции Скифию с Московией. Он упоминает Обь, Днепр, называя их «украшением страны» [Ibid., S. 84], однако к Волхову он подбирает прилагательное «варварский» [Ibid., S. 71]. У поэта был личный опыт, дающий ему право на такое суждение, поскольку в Новгороде он столкнулся с тем, что послы иностранных держав находились под стражей и не могли свободно передвигаться. Об этом он пожаловался Олеарию в одном из стихотворений. Однако уезжая из Новгорода, Флеминг практически полностью поменял свое мнение. В стихотворении на прощание с Новгородом Флеминг впервые назвал Московскую Русь «не варварской страной»: «Ступай в полуночные страны, в ту землю, которая

открывается перед тобой. Ту, которую некоторые бранят, хотя они о ней ничего не знают. Говори, что хочешь! Ты узнаешь истину! Потому что доверяешь тому, что ты видишь сам. И надейся, что варварство ты сможешь увидеть не варварским!» [Ibid., S. 128].

В последнем стихотворении из Новгорода Флеминг красочно представляет русский быт. По его наблюдениям, в России популярны охота и рыболовство. В своих стихах поэт создавал идиллию, рассказывая о пристрастии русского человека к простой одежде из «природных материалов»: «Овца дает ему свою шерсть» [Ibidem]. Большое впечатление на Флеминга произвели православные церковные обряды, которые он охарактеризовал как «искусство благочестия» [Ibidem]. Однако он подмечает и бедность, и низкий культурный уровень русского народа: «И если они понимают соседа, то большего им и не требуется» [Ibidem].

Несмотря на подробные описания повседневности русских, которую Флеминг наблюдал во время поездок, его стихи о России тем не менее не слишком близки к достоверному рассказу. В соответствии с эстетикой литературы барокко Флеминг стремился скорее красиво и витиевато облечь слова в форму, чем передать реальную картину. В таком ключе поэты барокко искали образцы в высокой поэзии Античности [Garber, 2008, S. 711]. Флеминг столкнулся со сложной проблемой для своего стихосложения. Древние авторы, повествуя о «примитивных» народах, к которым поэт относил русских, знали только две крайности. На одном полюсе стояло «дикое варварство», а на другом — «идиллия» [Ibidem]. Флеминг, отказавшись от привычного для литературы барокко тезиса о «русском варварстве», в большей степени стремился не к созданию реалистичной картины, а к диалогу с читателем — приему, характерному для художественных сочинений барокко. Подобные диалоги, согласно представлениям литераторов того периода об обязательной поучительной функции прочитанного, помогали читателям, по мнению их авторов, повышать свой образовательный уровень. Культура спора, в который погружали поэты своего читателя, была одной из норм галантного поведения [Kühlmann, 2000, S. 224]. Флеминг полностью в духе традиции барокко поучал своих соотечественников: он представлял им простой, в некотором смысле «невинный» мир «золотого века», в котором нет войн, злодейств, где живут добродушные дикари. Он противопоставлял русскую действительность тому, что происходило в то время в германских государствах, разрушаемых Тридцатилетней войной, тема которой так или иначе звучит практически в каждом стихотворении поэта.

Образ России в немецкой литературе барокко из-за специфики жанра художественных сочинений того периода не был основан на достоверных

исторических реалиях, которые уже были известны Европе к XVII столетию. Он стал продолжением традиции создания негативного стереотипа, которая была магистральной для того времени при конструировании образа «другого», непривычного и малоизвестного. Преследуя дидактические цели, литература барокко стремилась показывать курьезы, необычные происшествия, вокруг которых можно было развивать морально-нравственные концепции. Это укрепляло образ «русских варваров», которым увлекались немецкие поэты XVII века. Литературное воображение гиперболизировало предлагаемые сведения, часто создавая из них образы, далекие от реалий. Однако именно эти образы превращались в стереотипы. Чрезвычайно важно подчеркнуть в заключение то обстоятельство, что образ России, сформировавшийся в раннее Новое время преимущественно в художественной литературе, не только так или иначе отражал восприятие чужой земли и культуры, но и нормировал его, указывал способ видения, трактовал и объяснял.

Список источников

Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. 776 с.

Гриммельсгаузен Г. Я. К. Симплициссимус / пер. А. А. Морозова, Э. Г. Морозовой. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. 672 с.

Корб И. Г. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гварнента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи / сост.: А. Либерман, С. Ю. Шокарев. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 21–258. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX).

Лазарева А. В. Национальная мысль в Германии в эпоху Тридцатилетней войны: Автореферат дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. М.: Исторический факультет, 2008. 24 с.

Медяков А. С. Война формата 9×14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 464 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1906. XXVIII, 582 с.

По М. Сочинения иностранцев о Московии // Номо viator. Путешествие как историко-культурный феномен / под ред. А. В. Толстикова, И. Г. Галкова. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 208–238.

Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 12–263. (История России и Дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX).

Dach S. Gedichte. Halle a.d.S.: Niemeyer, 1936–1937. 2 Bd.

Fleming P. Deutsche Gedichte / Hrsg. von J. M. Lappenberg. Stuttgart: Litterarischer Verein, 1865. 541 S.

Garber K. Literatur und Kultur im Europa der Frühen Neuzeit. München: Fink (Wilhelm), 2008. 791 S.

Gryphius A. Lyrische Gedichte / Hg. von Hermann Palm. Stuttgart: Laupp [u.a.], 1884. 610 S.

Keller M. Simplitanische Moskowienfahrt: Hans Jacob Christoffel von Grimmelshausen // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. — 17. Jahrhundert / Hg. von M. Keller. München: Fink (Wilhelm), 1988. S. 371–385.

Klaj Jh. Herodes Der Kindermörder: Nach Art Eines Trauerspiels. Nürnberg: In Verlegung Wolffgang Endters, 1645. 62 S.

Klaj Jh. Lobrede der teutschen Poeterey. Nürnberg: In Verlegung Wolffgang Endters, 1645. 27 S.

Kühlmann W. Sprachgesellschaften und nationale Utopien // Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum 1. Weltkrieg / Hg. von D. Lange-wiesche und G. Schmidt. München: Oldenbourg, 2000. S. 217–245.

Leitsch W. Das erste Rußlandbuch im Westen — Sigismund Freiherr von Herberstein // Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. — 17. Jahrhundert. Hg. von M. Keller. München: Fink (Wilhelm), 1988. S. 118–149.

Opitz M. Danielis Heinsij Hymnus Oder Lobgesang Bacchi / darinnen der gebrauch vnd missbrauch des Weins beschrieben wird // *Opitz M.* Teutsche Pöemata und: Aristarchvs Wieder die verachtung Teutscher Sprach. Straßburg: Zetzner, 1624. S. 139–156.

Opitz M. Lobgedicht an die koenigliche Majestät zu Polen und Schweden. Thorn: Schnellboltz, 1636. 10 S.

Schottelius J. G. Lamentatio Germaniae exspirantis. Der numehr hinsterbenden Nymphen Germaniae elendeste Todesklage. Braunschweig: Gruber, 1640. 44 S.

Sienger H. Der deutsche Roman zwischen Barock und Rokoko. Köln: Böhlau, 1963. 210 S.

Die Gesandten des Großfürsten von Moskau auf dem Reichstag zu Regensburg. Prag, 1576.

Weinrich M. Melchioris Weinrichi aerarium poeticum hoc est phrases et nomina poetica. Francofurti: Schürer, 1659. 1363 S.

References

Herbershtein, S. (2008) *Zapiski o Moskovii: v 2 tomakh. Tom 1: Latinskii i nemetskii teksty, russkie perevody s latinskogo A. I. Maleina i A. V. Nazarenko, s rannenovoverkhenemetskogo A. V. Nazarenko* [Notes on Muscovy: 2 vols. Vol. 1: Latin and German texts, Russian translations from Latin by A. I. Malein and A. V. Nazarenko, from Early Upper German by A. V. Nazarenko]. Ed. by A. L. Khoroshkevich. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli [Monuments of Historical Thought].

Grimmel'sgauzen, G. Ya. K. (1967) *Simplitsissimus*. Transl. by A. A. Morozov and E. G. Morozova. Leningrad: Nauka Publ.

Korb, I. G. (1997) “Dnevnik puteshestviya v Moskovskoe gosudarstvo Ignatiya Khristofora Gvarnenta, posla imperatora Leopold'a I k tsaryu i velikomu knyazyu Petru Alekseevichu v 1698 g., vedennyi sekretarem posol'stva Iogannom Georgom Korbom” [“Diary of a Trip to the Moscow State of Ignatius Christopher Gwarient, Ambassador of Emperor Leopold I to the Tsar and Grand Duke Peter Alekseevich in 1698, Conducted by the Secretary of the Embassy Johann Georg Korb”], in *Rozhdenie imperii* [The Birth of the Empire]. Comp. by A. Liberman and S. Yu. Shokarev. Moscow: Sergey Dubov Fond, pp. 21–258. (Istoriya Rossii i Doma Romanovykh v memuarakh sovremennikov. XVII–XX [The History of Russia and the House of Romanov in the Memoirs of Contemporaries. 17–20th Centuries]).

Lazareva, A. V. (2008) *Natsional'naya mysl' v Germanii v epokhu Tridtsatiletnei voiny. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [National Thought in Germany in the Era of the Thirty Years' War. Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow: The Historical Department of the Lomonosov Moscow State University.

Medyakov, A. S. (2021) *Voina formata 9×14. Otkrytki v nemetskoj “kul'ture voiny” 1914–1918 gg.* [The War of the 9×14 Format. Postcards in the German “Culture of War” 1914–1918]. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. Dmitry Pozharsky University.

Olearii, A. (1906) *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Per-siyu i obratno. Vvedenie, perevod, primechaniya i ukazatel' A. M. Lovyagina* [The Description of a Trip to Muscovy and through Muscovy to Persia and back. Introduction, translation, notes and index by A. M. Lovyagin]. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publ.

Po, M. (2010) “Sochineniya inostrantsev o Moskovii” [“Essays by Foreigners about Muscovy”], in *Homo viator. Puteshestvie kak istoriko-kul'turnyi fenomen* [Homo viator.

Travel as a Historical and Cultural Phenomenon]. Ed. by A. V. Tolstikov and I. G. Galkov. Moscow: IVI RAN, pp. 208–238.

Fokkerodt, I. G. (2000) “Rossiya pri Petre Velikom” [“Russia under Peter the Great”], in *Neistovyi reformator [The Furious Reformer]*. Moscow: Sergey Dubov Fond, pp. 12–263. (Istoriya Rossii i Doma Romanovykh v memuarakh sovremennikov. XVII–XX [The History of Russia and the House of Romanov in the Memoirs of Contemporaries. 17–20th Centuries]).

Dach, S. (1936–1937) *Gedichte* (2 Bd). Halle a.d.S.: Niemeyer.

Fleming, P. (1865) *Deutsche Gedichte*. Hrsg. von J. M. Lappenberg. Stuttgart: Litterarischer Verein.

Garber, K. (2008) *Literatur und Kultur im Europa der Frühen Neuzeit*. München: Fink (Wilhelm).

Gryphius, A. (1884) *Lyrische Gedichte*. Hg. von Hermann Palm. Stuttgart: Laupp [u.a.].

Keller, M. (1988) “Simplitianische Moskowienfahrt: Hans Jacob Christoffel von Grimmelshausen”, in *Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. — 17. Jahrhundert*. Hg. von M. Keller. München: Fink (Wilhelm), S. 371–385.

Klaj, Jh. (1645) *Herodes Der Kindermörder: Nach Art Eines Trauerspiels*. Nürnberg: In Verlegung Wolfgang Endters.

Klaj Jh. (1645) *Lobrede der teutschen Poeterey*. Nürnberg: In Verlegung Wolfgang Endters.

Kühlmann, W. (2000) “Sprachgesellschaften und nationale Utopien”, in *Föderative Nation. Deutschlandkonzepte von der Reformation bis zum 1. Weltkrieg*. Hg. von D. Langewiesche und G. Schmidt. München: Oldenbourg, S. 217–245.

Leitsch, W. (1988) “Das erste Rußlandbuch im Westen — Sigismund Freiherr von Herberstein”, in *Russen und Rußland aus deutscher Sicht 9. — 17. Jahrhundert*. Hg. von M. Keller. München: Fink (Wilhelm), S. 118–149.

Opitz, M. (1624) “Danielis Heinsij Hymnus Oder Lobgesang Bacchi. Darinnen der gebrauch vnd missbrauch des Weins beschrieben wird”, in Opitz, M. *Teutsche Pöemata und: Aristarchvs Wieder die verachtung Teutscher Sprach*. Straßburg: Zetzner, S. 139–156.

Opitz, M. (1636) *Lobgedicht an die koenigliche Majestät zu Polen und Schweden*. Thorn: Schnellboltz.

Schottelius, J. G. (1640) *Lamentatio Germaniae expirantis. Der numehr hinsterbenden Nymphen Germaniae elendeste Todesklage*. Braunschweig: Gruber.

Sienger, H. (1963) *Der deutsche Roman zwischen Barock und Rokoko*. Köln: Böhlau.

Die Gesandten des Großfürsten von Moskau auf dem Reichstag zu Regensburg (1576). Prag.

Weinrich, M. (1659) *Melchioris Weinrichi aerarium poeticum hoc est phrases et nomina poetica*. Francofurti: Schürer.

Информация об авторе: Арина Владимировна Лазарева — кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Information about the author: Arina V. Lazareva — PhD in History, Associate professor at the Department of Modern and Contemporary History of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Address: 4 27 Lomonosovsky Avenue, Moscow, 119192, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 28.11.2022;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 10.03.2023.